

А.Н. Филиппов

**Учебник истории Русского
права**

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.Н. Филиппов**
Учебник истории Русского права: Часть 1 / А.Н. Филиппов – М.: Книга
по Требованию, 2014. – 796 с.

ISBN 978-5-517-83479-9

ISBN 978-5-517-83479-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ращается въ ничто, если онъ, вмѣсто орудія, хочетъ быть творцомъ“. Эти слова, хотя кратко, но вѣрно, въ общемъ, передаютъ безспорный выводъ, вытекающій изъ всего предшествовавшего изученія исторіи права многими поколѣніями ученыхъ, а именно выводъ — о законности и о зависимости юридическаго строя данного времени и у данного народа отъ сложной совокупности цѣлаго ряда факторовъ. При этомъ надо, впрочемъ, отмѣтить, что сравнительная важность этихъ факторовъ праворазвитія оцѣнивалась, да и доселѣ еще оцѣнивается, весьма различно въ теоріяхъ, какъ отдельныхъ изслѣдователей, такъ и цѣлыхъ школъ: въ то время какъ, напр., одни выдвигаютъ на первое мѣсто экономическія или хозяйственныя условія времени, какъ важнѣйшихъ агентовъ правового строя, другіе, наоборотъ, думаютъ, что политическій складъ страны самъ по себѣ можетъ считаться достаточно-сильнымъ факторомъ праворазвитія, вліяющимъ на всѣ жизненныя отношенія данного союза, не исключая и экономическихъ; если, далѣе, одни ученые разсматриваютъ право, какъ явленіе психическое, то другіе склонны разсматривать право, какъ понятіе социологическое и т. д. Историкъ права, конечно, долженъ принимать во вниманіе всѣ эти ученія о природѣ права и относительной важности отдельныхъ факторовъ его образованія, поскольку ихъ значеніе установлено въ наукѣ. Но, чтобъ не упасть въ односторонность и субъективность, онъ долженъ, на нашъ взглядъ, при изученіи отдельныхъ эпохъ праворазвитія, считаться со всѣмъ сложнымъ комплексомъ означенныхъ факторовъ, поскольку ихъ наличность можетъ быть выяснена изъ данныхъ самой изучаемой эпохи. Такъ, напр., слѣдя за эволюціею какого-либо юридическаго понятія — государства, семьи, собственности и т. д., — онъ долженъ отмѣчать вліяніе на его развитіе религіозныхъ, политическихъ, экономическихъ и иныхъ идей и условій даннаго времени, являющихся факторами, содействующими тому или иному фазису развитія даннаго понятія. Если историкъ права, изслѣдуя вліяніе этихъ факторовъ на праворазвитіе извѣстнаго момента, и можетъ оставаться на указаніяхъ преимущественнаго значенія и дѣйствія однихъ изъ нихъ, сравнительно съ другими, то лишь въ томъ единственномъ случаѣ, когда сама изучаемая стадія историко-юридическаго процесса выдвигаетъ ихъ впередъ, какъ наиболѣе сильныя и творчески первенствующіе, сравнительно съ другими. Несомнѣнно, что въ исторіи соотношеніе между факторами праворазвитія не остается величиною всегда постоянною, а это въ свою очередь обязываетъ историка права оцѣнивать взаимодѣйствіе такихъ факторовъ по степени важности ихъ въ дан-

ное время и у данного народа, принимая въ вниманіе общую культуру изучаемой эпохи.

Слѣдя за относительною ролью и значеніемъ данныхъ факторовъ на образованіе и развитіе права, ставя правовыя учрежденія и нормы въ связь со всѣми условіями времени, подмѣчая, по возможности, не простую только смѣну юридическихъ явленій и ихъ отраженій въ жизни, но изучая ихъ генезисъ, внутренній органической ростъ, моменты процвѣтанія и исчезновенія, пытаюсь, наконецъ — при помощи, главнѣйшимъ образомъ, эволюціоннаго метода изслѣдованія, оказавшаго столь блестящіе успѣхи въ области человѣческаго знанія вообще — раскрыть общіе законы правообразованія и праворазвитія, исторія права имѣетъ предъ собою, хотя и чрезвычайно трудную, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма высокую задачу. По справедливому замѣчанію извѣстнаго германиста Брунера, какъ всякая исторія, и исторія права работаетъ надъ возвышенною проблемою самопознанія человѣчества (an dem erhabenen Problem der Selbsterkenntniss der Menschheit). Проблема эта будучи общею для исторій русскаго, нѣмецкаго, французскаго и всякаго иного права культурныхъ націй, можетъ быть, несомнѣнно, выполнена болѣе или менѣе плодотворно и широко лишь въ томъ случаѣ, когда изученіе прошлыхъ судебъ своего національнаго права будетъ поставлено въ непосредственную связь, какъ съ изученіемъ таковыхъ же судебъ права у болѣе близкихъ, по происхожденію, или по культурѣ, народовъ (по крайней мѣрѣ по отношенію къ первоначальнымъ стадіямъ ихъ праворазвитія), такъ и съ изученіемъ исторій права, подобно другимъ общественнымъ наукамъ, въ связи съ наукою объ обществѣ или соціологіею.

Если исторія права вообще, какъ указано выше, пытается раскрыть законы правообразованія и праворазвитія народовъ, если ея высокою проблемою является уясненіе основъ самопознанія человѣчества въ области права, въ его прошлой многовѣковой жизни, то исторія національнаго права, какъ наша наука, должна преслѣдовать ту же важную задачу по отношенію къ одной лишь части человѣчества, а именно — въ данномъ случаѣ — къ русскому народу. Исторія русскаго права есть исторія самопознанія русскаго народа, — какъ культурнаго цѣлаго, — въ области права и справедливости, право русской націи въ ея тысячелѣтнемъ прошломъ. Но что такое нація и каково ея отношеніе къ цѣлому или человѣчеству? По утверженію Исслинска, съ которымъ должно согласиться, „націи суть не естественныя“ (подобно, напр., племеню), „а историко-соціальныя образованія: группа людей, сознающихъ себя объединеннымъ множествомъ общихъ своеобразныхъ культурныхъ элементовъ и общимъ историческимъ прошлымъ, а потому отличными

отъ другихъ людей, образуетъ націю“. Нѣтъ сомнѣнія, что русская народность является однимъ изъ такихъ великихъ „историко-соціальныхъ образованій“, такъ какъ въ судьбахъ своего прошлаго, въ своей религіи, языкѣ, литературѣ, искусствѣ, правѣ и т. д., она хранитъ богатѣйшій запасъ своеобразныхъ „культурныхъ элементовъ“, выдѣляющихъ ее въ особую типическую группу среди другихъ націй. Весь нашъ курсъ, въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи, будетъ посвященъ изученію этихъ культурныхъ элементовъ, объединившихъ на востокѣ Европы славянскія племена — вмѣстѣ со многими породцами — въ единое цѣлое или націю, и мы не разъ будемъ отмѣчать послѣдовательный и прогрессивный ростъ національнаго сознанія въ области права и не разъ будемъ убѣждаться въ наличности въ нашей исторіи оригинальныхъ учрежденій и своеобразныхъ юридическихъ понятій, а равно и развитой народной юридической терминологіи, однимъ словомъ всего того, что въ области права — какъ и въ другихъ областяхъ культуры, — создавало въ теченіи вѣковъ для славянскихъ племенъ, осѣвшихъ на великой равнинѣ восточной Европы, „общее историческое прошлое“. Но это „общее историческое прошлое“, будучи однимъ изъ необходимыхъ и при томъ важнѣйшихъ элементовъ націй, — элементовъ, выдѣляющихъ ее изъ другихъ культурныхъ группъ человѣчества, — не должно быть, однако, изучаемо, какъ уже сказано, безъ всякой связи съ историческимъ прошлымъ другихъ подобныхъ человѣческихъ группъ. По мѣткому замѣчанію одного изъ нашихъ историковъ права, проф. Владимірскаго-Буданова. подъ націею, — въ ея отношеніяхъ къ человѣчеству — надо разумѣть „часть человѣческаго рода, повторяющую въ себѣ общечеловѣческіе законы развитія въ формахъ особенныхъ (оригинальных)“. Нѣсколько видоизмѣняя и дополняя это опредѣленіе, мы бы сказали, что „нація“ или „народность“ есть культурный типъ человѣчества, повторяющій въ себѣ общечеловѣческіе законы развитія, какъ въ формахъ особенныхъ (оригинальных), такъ и въ общихъ, наблюдаемыхъ у другихъ культурныхъ типовъ человѣчества. Если это такъ, то изученіе культурныхъ элементовъ прошлой жизни данной націи или народности, — а однимъ изъ такихъ важныхъ элементовъ является право въ его поступательномъ многовѣковомъ движеніи — должно, какъ намъ кажется, вестись такимъ образомъ. Историкъ права данной народности долженъ, во 1-хъ, бережно и любовно отыскивать, а затѣмъ и подвергать тщательному изученію и анализу, всѣ тѣ особыя черты юридической фізіономіи націи, которыя сложились подъ дѣйствиємъ особыхъ условій прошлаго своего народа и которыя сохранились въ тѣхъ или иныхъ остаткахъ старины стародавней,

днесенныхъ такъ или иначе потокомъ исторіи до нашихъ дней; во 2-хъ, памятуя, что, какъ особыя, такъ и общія черты этой юридической фізіономіи нація повторяютъ въ себѣ. въ тѣхъ или иныхъ, иногда весьма своеобразныхъ сочетаніяхъ. общіе законы развитія, онъ долженъ, при случаѣ, сопоставлять ихъ съ соотвѣтственными формами и чертами, имѣвшими мѣсто въ исторіи права другихъ культурныхъ группъ человечества и, въ 3-хъ, наконецъ, исходя изъ того положенія, что національное право въ его историческомъ процессѣ, — подобно языку, литературѣ, искусству и т. д., — не развивается, по крайней мѣрѣ у историческихъ народовъ, совершенно однокю, безъ воздѣйствія иноземнаго, безъ многообразнаго и сложнаго взаимнаго общенія отдѣльныхъ народовъ, онъ долженъ принимать во вниманіе какъ случай простаго внѣшняго заимствованія, такъ и внутренняго усвоенія, или рецепціи, правовыхъ идей и учреждений, поскольку то и другое обозначилось ясно въ исторіи данного національнаго права, оцѣнивая внимательно роль и значеніе этихъ идей и учреждений въ новой средѣ, отмѣчая степень ихъ акклиматизаціи и т. д. Иначе говоря, если историкъ права данной народности, — слѣдя за многообразіемъ движенія юридическихъ институтъ, подъ какимъ-бы, внутреннимъ или внѣшнимъ, вліяніемъ оно ни совершалось въ прошломъ, — долженъ возсоздать всѣ типичныя черты, выдѣляющія данную народность въ особую культурную группу человечества, то онъ въ то же время не долженъ забывать о связи своего національнаго права съ правомъ другихъ народовъ, а равно и вообще съ соціальною средою. Если задача перваго рода дастъ содержаніе всему нашему послѣдующему курсу чтеній и если поэтому на дальнѣйшемъ ея разъясненіи можно не останавливаться въ общемъ введеніи къ курсу, то, наоборотъ, на отношеніи исторіи русскаго права къ другимъ наукамъ, кратко указаннымъ уже выше, слѣдуетъ, хотя бѣгло, остановиться, чтобы имѣть нѣкоторый опредѣленный взглядъ на этотъ весьма важный вопросъ.

Въ немногихъ словахъ, отношеніе исторіи русскаго права въ исторіи права другихъ народностей, а затѣмъ и къ общей наукѣ объ обществахъ, или соціологіи, можетъ быть выражено въ такой примѣрной схемѣ. Исторія русскаго права, въ ея начальныхъ по крайней мѣрѣ, стадіяхъ, должна быть поставлена въ тѣснѣйшую связь прежде всего съ исторіею права отдѣльныхъ славянскихъ племенъ. Въ этомъ случаѣ не должна быть, какъ намъ кажется, игнорирована та постановка изученія исторіи права, которая въ настоящее время утвердилась въ Западной Европѣ, въ такъ называемой германистической школѣ. Германисты, изучая, напр.,

исторію права собственно-нѣмецкаго, въ числѣ необходимыхъ вспомогательныхъ для нея наукъ („als Hilfswissenschaften der deutschen Rechtsgeschichte“) вводятъ изученіе исторіи права другихъ германскихъ племенъ, а именно опи (какъ, напр., Бруннеръ), подъ наименованіемъ „Geschichte der Tochterrechte und der Schwesterrechte des deutschen Rechtes“ различаютъ двѣ группы правовыхъ системъ, обозначающихся въ исторіи германскихъ племенъ: одна, — такъ называемыя „Schwesterrechte des deutschen Rechtes“ — вышла изъ общихъ германскихъ первоначальныхъ основъ: таково, напр., право норвежское, исландское, шведское и датское; другая группа, — такъ называемыя „Tochterrechte des deutschen Rechtes“, — создана путемъ перенесенія германскими колонистами ихъ родного права на чужую почву: таково, напр., право англо-саксонское и англійское, французское и нидерландское. Въ правѣ чешскомъ, польскомъ, или, наприм., хорватскомъ, исторія русскаго права, подобно исторіи права нѣмецкаго, имѣеть, по нашему мнѣнію, первую группу правовыхъ системъ, вышедшихъ изъ первоначальныхъ общеславянскихъ основъ, создававшихся уже въ тѣ отдаленнѣйшія отъ насъ времена, когда еще, по сказанію русскаго лѣтописца, „бѣ единый языкъ словѣнскъ“, т. е. одно славянское племя. Въ правѣ же литовско-русскомъ, изученіе коего сильно подвинулось впередъ въ послѣднее время, имѣется у насъ примѣръ второй изъ указанныхъ двухъ правовыхъ системъ. Подобно тому, какъ историкъ нѣмецкаго права, изучая право другихъ германскихъ племенъ, получаютъ черезъ это возможность болѣе обстоятельно и болѣе глубоко касаться такихъ эпохъ его развитія, о которыхъ наличные, собственно-нѣмецкіе, источники права говорятъ очень мало, или даже не говорятъ ничего, подобно тому, какъ означенные историки уже прониклись твердымъ убѣжденіемъ, что памятники права родственныхъ германскихъ племенъ являются частію единственными, частію болѣе достовѣрными, средствами уясненія наиболѣе темныхъ и спорныхъ вопросовъ древнѣйшаго нѣмецкаго права, историкъ русскаго, такъ и историкъ какого-либо славянскаго права, въ свою очередь, — если ему встрѣтится въ аналогичныхъ случаяхъ необходимость прибѣгнуть къ иноземному праву — долженъ прежде всего пользоваться данными и выводами исторіи права славянскаго. Уже и теперь, при всей относительной молодости науки славянскаго правовѣдѣнія, имѣется какъ въ русской историко-юридической литературѣ, такъ и въ литературѣ другихъ славянъ рядъ цѣнныхъ изданій памятниковъ славянскаго права и ихъ толкованій, которыми необходимо пользоваться въ указанныхъ цѣляхъ, при изученіи, по крайней мѣрѣ, первоначальныхъ эпохъ праворазвитія, когда простота и общность условій жизни оказы-

вали еще свое объединяющее влияние на славянь, либо еще живших нераздельно, либо сравнительно недавно разошедшихся в разные стороны, а потому и сохранивших еще в своем быту общие правовые устои жизни¹⁾.

Если история права русского, как часть права общеславянского, должна быть поставлена в теснейшую связь с историей права других славянских народностей, то, в свою очередь, история права славянского, наряду с историей права германского, римского и других народов, должна мыслиться, как составная часть всеобщей или общей истории права, или так наз. „сравнительного правоведения“, „сравнительного исторического правоведения“, или, как еще иногда называют эту науку, как часть „истории развития права“ (Entwicklungsgeschichte des Rechtes). Сравнительное-же правоведение изучает последовательное развитие права, на одинаковых стадиях общестности, у той-же группы народностей, напр., по крайней мере у арийцев, и затем пытается вывести общие законы юридической эволюции правовых форм и учреждений; оно является (вместе с сравнительною этнографией, политическими, экономическими и другими общественными науками) частью одной общей науки, носящей наименование социологии. По мнению социологов, социология только и может создать достаточно прочные „научные общности“ (généralités scientifiques), на которые должны опираться затем уже все отдельные общественные науки. Так, по утверждению одного из наших ученых, М. М. Ковалевского, „как наука конкретная, сравнительное правоведение не может обойтись без содействия той абстрактной науки, какою по отношению к нему — как и к истории верований, знаний, морали, экономики, политики искусства — является социология. Задача последней изучить законы, управляющие развитием человеческой солидарности и ее проявлений в формах общежития, независимо от всех местных и временных причин, то ускоряющих, то тормозящих наступление высших порядков общестности“. Поскольку эта чрезвычайно трудная и сложная задача может считаться уже выполненною столь молодою наукою, как социология, на это литература вопроса дает самые разноречивые показания. Если и надо, несомненно, признать слишком крайним и поэтому едва ли справедливым мнение одного из наших вы-

1) Общий обзор литературы по истории славянского права см. в книжке К. Kadlec'a „Několik kapitol z oboru slovanského práva“ (V. Praze, 1894 г.); ср. также П. М. Соболевского „Учение о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян“ (X., 1892 г.) и проф. Ф. Ф. Зигеля „Лекции по истории славянских законодательств“ (В., 1911 г.).

дающихся юристовъ, Б. Н. Чичерина, что „то, что носятъ названіе соціологія, въ сущности ничто иное, какъ хаотическая смѣсь всякихъ экономическихъ, юридическихъ и политическихъ взглядовъ, менѣе всего могущихъ имѣть притязаніе на наименованіе науки“, то, съ другой стороны, надо сознаться, что раскрытіе законовъ, управляющихъ „развитіемъ человѣческой солидарности“, есть дѣло очень еще отдаленнаго будущаго. Однако, и при современномъ своемъ состояніи, соціологія обладаетъ уже цѣлымъ рядомъ, достаточно обоснованныхъ и болѣе или менѣе признанныхъ, — по крайней мѣрѣ, въ данное время, — обобщеній.

Эти-то обобщенія и должны приниматься во вниманіе при изученіи какъ общей, такъ и національной исторіи права. Право въ своемъ постепенномъ развитіи не живетъ особно и одиноко отъ всѣхъ другихъ факторовъ культуры даннаго времени, но, наоборотъ, по закону солидарности общественныхъ явленій, движется въ извѣстномъ гармоническомъ соотношеніи съ нѣмъ. Поэтому и изслѣдованія по исторіи права должны опираться „на широкое соціальное изученіе“. По остроумному сравненію французскаго ученаго Тарда, высказанному имъ въ докладѣ, прочитанномъ на международномъ конгрессѣ сравнительнаго правовѣдѣнія въ Парижѣ въ 1900 г., „сравнительная ретроспективная выставка оружія разныхъ націй сама по себѣ не имѣетъ значенія, но только въ связи съ тѣми битвами, которыми она объясняется, или которыя ее объясняютъ. Точно также, говоритъ Тардъ, сравненіе различныхъ системъ права приводитъ къ научнымъ обобщеніямъ лишь тогда, когда оно связано со всѣмъ комплексомъ соціальныхъ явленій, которыя объясняютъ право и сами въ свою очередь объясняются правомъ“ *). Можно оспаривать — на нашъ взглядъ — тѣ или нѣкоторыя соціологическія обобщенія, можно придавать имъ вообще временное, преходящее значеніе, допускать, что при дальнѣйшемъ движеніи науки они, можетъ быть, смѣнятся другими, но ихъ нельзя, однако, игнорировать вовсе при изученіи какъ всеобщей, такъ и національной исторіи права и нельзя потому, что такое игнорированіе означало бы ничто иное, какъ изолированіе изученія самаго права, какъ одного изъ факторовъ культуры, отъ всѣхъ другихъ подобныхъ факторовъ и могло бы привести къ невѣрному и одностороннему пониманію значенія и развитія самихъ юридическихъ институтовъ. Приведу для примѣра одно изъ двухъ такпхъ соціологическихъ обобщеній, имѣющихъ значеніе для исторіи права. Соціологи, какъ, напр.,

1) Ф. В. Тарановскій „Сравнительное правовѣдѣніе въ концѣ XIX в.“ Варшава, 1902. г., стр. 19.

Гербертъ Спенсеръ опредѣляютъ эволюцію, какъ „измѣненіе безсвязной однородности въ связную однородность, являющееся слѣдствіемъ разсѣянія движенія и интеграціи вещества“. Примѣняя эту формулу къ изученію, напр., той или иной организаціи общества въ отдѣльныя историческія эпохи, говоритъ, что „расчлененіе общества на профессіи, состоянія, сословія, даетъ прекрасное приложеніе общаго начала дифференціаціи функций и дифференціаціи движенія, совмѣстная-же дѣятельность классовъ, ихъ взаимныя услуги и общая работа иллюстрируетъ процессъ объединенія, интеграціи“. (И. Виноградовъ „О прогрессѣ“). Или, напр., изучая исторію государственныхъ учреждений, отмѣчаютъ постепенное развитіе въ ихъ организаціи принципа дифференціаціи функций, принципа, находящаго свое примѣненіе не въ одной только области права, но и въ другихъ явленіяхъ общественности. Таково, въ немногихъ словахъ, отношеніе какъ общей, такъ и національной, исторіи права къ социологіи.

Коснемся теперь кратко отношенія сравнительнаго историческаго правовѣдѣнія къ исторіи права національнаго. Всего 30—40 лѣтъ тому назадъ подъ сравнительнымъ изученіемъ права понимали лишь особый своеобразный методъ параллельнаго изслѣдованія какъ образованія, такъ и развитія правовыхъ институтовъ у нѣсколькихъ народностей, при чемъ этотъ методъ примѣнялся главнѣйшимъ образомъ къ изученію первоначальныхъ, такъ сказать, эмбриональныхъ стадій развитія означенныхъ институтовъ. Теперь, однако, сравнительная исторія права, или сравнительное правовѣдѣніе, является уже особою и вполне самостоятельною наукою, обладающею своимъ громаднымъ матеріаломъ для изслѣдованій, преслѣдующею при этихъ изслѣдованіяхъ свои особыя цѣли, примѣняющею при своихъ изысканіяхъ своеобразные приемы. И если 20 лѣтъ тому назадъ тотъ же цитированный уже нами знаменитый германецъ Бруннеръ, причисляя сравнительную исторію права — въ особенности цостолку, поскольку она касалась аріискихъ народностей — къ вспомогательнымъ наукамъ исторіи нѣмецкаго права, могъ, по справедливости, сказать, что, несмотря на то, что сравнительная исторія права, какъ наука, находится еще въ зачаткѣ, она уже вышла, однако, изъ стадій дилетантизма, то въ два слѣдующихъ десятка лѣтъ развитіе этой науки подвинулось весьма далеко впередъ и не только въ западно-европейской, но и въ русской историко-юрдической литературѣ наука эта имѣетъ теперь видныхъ представителей, которымъ изданъ рядъ цѣнныхъ трудовъ. Въ какомъ же, однако, отношеніи должно стоять сравнительное правовѣдѣніе, какъ наука, къ исторіи права данной націи или народности? Въ нашей историко-юрдической

литературѣ нерѣдко слышалось голоса, а иногда они слышались и теперь, о необходимости, на кафедрѣ исторіи русскаго права, вести сравнительное изученіе права, ввиду того, между прочимъ, соображенія, что всеобщая исторія права теперь совѣмъ не преподается у насъ, а кафедра исторіи славянскихъ законодательствъ существовала въ одномъ только университетѣ (Варшавскомъ). Задача эта является, однако, совершенно уже невыполнимою нынѣ, прежде всего потому, что сравнительная, или всеобщая, исторія права выросла, какъ сказано, въ послѣднія 2 десятилѣтія въ особую и сложную науку, играющую весьма важную роль во всѣхъ социологическихъ изысканіяхъ новѣйшаго времени, но науку притомъ нисколько не упразднившую значенія исторіи права національнаго. Сравнительная, или всеобщая, исторія права не можетъ ужѣ нынѣ, подѣ видомъ сравнительнаго метода изученія права, уложиться или войти въ область исторіи права даннаго народа, а исторія ея обособленія въ отдѣльную науку повторяетъ собою тоже явленіе, какое имѣло мѣсто въ исторіи другихъ наукъ, напр., естественныхъ (гдѣ изъ зоологіи выдѣлилась сравнительная зоологія и т. д.). Такъ какъ сравнительное правовѣдѣніе, подобно исторіи права національнаго, имѣетъ свой особыи громадныи матеріалъ для изслѣдованія, свои особыя спеціальныя задачи, ставимыя учеными по соображенію ихъ общей связи съ развитіемъ каждой изъ этихъ наукъ, то думать, что исторія національнаго права, при современномъ состояніи наукъ, можетъ изучаться съ кафедры сравнительно, значить, на нашъ взглядъ, налагать на эту науку совершенно непосильную и несвойственную ей задачу, значить превращать кафедру исторіи національнаго (напр. — русскаго) права въ кафедру общей исторіи права. Результаты, добытые нынѣ сравнительнымъ правовѣдѣніемъ, должны быть, конечно, извѣстны при изученіи исторіи права данной націи и ихъ надо, по возможности, имѣть въ виду при изученіи исторіи институтовъ своего роднаго права, но изысканія въ области сравнительной исторіи права не могутъ производиться при общихъ обзорахъ историческаго движенія своего права: сходства и различія въ этомъ движеніи и вообще связь національной исторіи права съ всеобщей исторіею права должны, при изученіи права данной страны, настолько доказываться, сколько указываться. Входитъ одной наукѣ въ лабораторію другой и въ ней производить свойственныя каждой наукѣ изслѣдованія, значить, при современномъ состояніи каждой изъ этихъ наукъ, лишь мѣшать другъ другу. Сравнительное изученіе національнаго права настоятельно необходимо, но оно должно дѣлаться особо, главнымъ

образомъ монографическп, а не съ каѳедры исторіи даннаго права, такъ какъ иначе легко могутъ быть унижены изъ виду многіе вопросы исторіи національнаго права, да и выводы самой всеобщей исторіи права не будутъ изложены въ достаточной полнотѣ и опредѣленности. Такъ какъ къ тому же выводы всеобщей исторіи права касаются пока главнымъ образомъ древнѣйшихъ періодовъ исторіи, то они и должны относиться къ таковымъ же періодамъ исторіи своего роднаго права. При современномъ состояніи сравнительнаго правовѣдѣнія, занимающагося главнымъ образомъ изысканіями въ области первобытнаго или только древнѣйшаго права, нѣтъ возможности дѣлать сколько-нибудь важныхъ научныхъ обобщеній при изученіи позднѣйшихъ эпохъ праворазвитія, когда историческія судьбы отдѣльныхъ народностей такъ далеко расходятся другъ отъ друга, когда сочетаніе факторовъ, дѣйствующихъ на тотъ или иной характеръ развитія ихъ права, такъ прихотливо размѣняется и осложняется.

Для болѣе позднихъ эпохъ исторіи развитія права возможность строго научныхъ сравнительныхъ изслѣдованій только еще предвидится въ будущемъ, а тѣ попытки сравнительнаго изученія законодательствъ (но не права), которыя дѣлаются въ послѣднее время какъ на Западѣ Европы, такъ и у насъ, далеко не соответствуютъ чисто теоретическимъ задачамъ сравнительнаго правовѣдѣнія, какъ особой науки, и имѣютъ лишь практическое значеніе ознакомленія съ дѣйствующими законами, въ тѣхъ или иныхъ цѣляхъ. Кромѣ того, изученіе исторіи русскаго права болѣе позднихъ эпохъ ставить историкамъ права и свои особыя задачи; на одну изъ этихъ задачъ можно указать кратко теперь же. Исторія русскаго права, по отношенію къ послѣднимъ тремъ истекшимъ вѣкамъ, владѣетъ громаднѣйшимъ запасомъ неизданныхъ и совершенно неизслѣдованныхъ еще матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ нашихъ. Если по отношенію къ древнѣйшему русскому праву необходимымъ является, какъ уже сказано, приведеніе изученія исторіи права нашего въ связь съ исторією права другихъ культурныхъ народовъ, то исторіи русскаго права послѣднихъ 3-хъ вѣковъ необходимо прежде всего овладѣть тѣми законодательными и иными юридическими матеріалами, которые въ значительной части своей еще находятся въ архивахъ и ждутъ изслѣдователей. Безъ этихъ матеріаловъ важнѣйшіе отдѣлы исторіи права, — какъ, напр., исторія учреждений, словесій, исторія гражданскаго права и процесса и мног. др., — никогда не будутъ разработаны сколько-нибудь обстоятельно и въ соответствіи съ истиннымъ ихъ значеніемъ въ общемъ движеніи нашего права въ прошломъ.